

В его голове постоянно всплывала сцена, как Лаосань разбивал пианино. Слова женщины, возможно, были преувеличены, но он верил, что Лаосань способен на такое. В Лаосане была какая-то жесткость, которая заставляла его разбивать пианино, побеждать в гребных соревнованиях, безрассудно бросаться в тропический лес, чтобы найти его. Но этой жесткости было недостаточно, чтобы он смог порвать с этой семьёй?

А-Да не был уверен, правильно ли он идёт. Растения в саду семьи Су росли беспорядочно, и легко было заблудиться.

Через некоторое время он понял, что идёт правильно. Он услышал музыку. Это была не запись, не радио и не звук из приложения. И это был не чистый и чёткий звук пианино.

Эта музыка была прерывистой, тягучей, то скользя вперёд, то оттягиваясь назад, словно терзая сердце, остро и настойчиво.

Идя по аккуратной каменной дорожке, А-Да наконец увидел угол красного кирпичного дома. Музыка стала чётче, больше не прерывистой, а словно нить, мягко скользкая по сердцу. А-Да остановился. Мысль о том, что он сейчас увидит Лаосана, внезапно заставила его почувствовать себя неуверенно.

Он потоптался на траве рядом, она была мягкой и низкой, и даже через подошву обуви ощущалось её пушистое щекотание. А-Да вернул ногу на дорожку и пошёл к красному дому.

Хотя это были «собачьи будки», они всё же принадлежали богатой семье, и дом был чистым и красивым. А-Да обошел стену, чтобы подойти к входу, и, только достигнув угла, увидел фигуру Лаосана.

Лаосань стоял на лужайке перед домом, боком к нему, играя на скрипке.

Он был полностью поглощён игрой и не заметил, что кто-то пришёл в «собачьи будки». Звуки скрипки, словно насекомые, ползли по траве, поворачивали и доползали до А-Да.

А-Да непроизвольно остановился, застыв, глядя на человека перед ним.

Он никогда не видел Лаосана таким. Белая рубашка казалась частью его тела. Его глаза были ясными и спокойными, а лицо, лишённое эмоций, было холодным и почти пустым, жестоко отвергая всё вокруг.

Это лицо, лишённое содержания, было пугающе красивым. А-Да вдруг вспомнил изображения ангелов в школьной часовне — те лица были такими же изысканными, такими же холодными, ослепительно белыми.

А-Да почувствовал грусть. Ах, так вот каким красивым был Лаосань.

В этих «собачьих будках» клетки для собак уже убрали, но ничего нового не добавили. Всё было чистым и пустым, как пустыня. И на этой пустыне внезапно вырос Лаосань.

Незаконнорождённый.

А-Да не должен был чувствовать печали из-за такого. Он видел много подобного. Даже в его собственном огороде были семена, прилетевшие неизвестно откуда, без защиты, без ухода, и никто их не замечал, но они росли сами по себе. Будучи чужаками, они были более агрессивными, более жестокими, иногда притворялись своими, чтобы выжить. Такие

уродливые ростки, конечно, отличались от своих благородных предков. На земле предков или на новой земле они ни на кого не были похожи, одиноко тянулись к солнцу и пускали корни...

Отсутствие идентичности стало изначальным грехом.

Звуки скрипки были нежными и страстными, резко контрастируя с холодностью Лаосана. Каждое движение смычка, нежное и властное, скользило по сердцу А-Да туда и обратно.

Неизвестно, сколько времени прошло, прежде чем А-Да, словно очнувшись, сделал шаг. Он почувствовал, что его лицо стало горячим и влажным, провёл рукой по щеке и понял, что это слёзы.

А-Да невольно усмехнулся — он плакал. Из-за Лаосана? Нет, это было слишком. Мальчик, живущий в роскоши, как бы плохо ему ни было, всё равно ездил на спортивных машинах и пил шампанское. Что тут было жалеть?

Просто в истории Лаосана было слишком много знакомых элементов. Незаслуженные обиды, предательство, презрение, из-за которых приходилось становиться сильнее, эта необходимость расти жестоко и дико...

Он и Лаосань внезапно достигли какого-то примирения.

А-Да сделал два шага назад. Он не мог нарушить покой Лаосана и тихо ушёл из дома семьи Су.

А-Да вернулся в отель и, открыв дверь, увидел Красную Фасольку, стоящую у окна.

Она улыбнулась:

— Я сказала на ресепшене, что ты попросил меня взять кое-что, но забыл дать мне ключ, и тётя открыла мне дверь.

Увидев Красную Фасольку, А-Да почувствовал, как с груди упал камень. Расслабившись, он захотел как следует отругать её. С холодным лицом он спросил:

— Ты всю ночь не возвращалась, не отвечала на звонки. Где ты была?

Красная Фасолька, понимая, что А-Да злится, опустила голову:

— Я гуляла около часа, а потом встретила Сань-гэ, и он взял меня к себе.

А-Да: «...»

Красная Фасолька поспешно подошла к нему и жалобно сказала:

— Не сердись, Сань-гэ уже отругал меня, я даже плакала. — Глаза её снова покраснели.

А-Да, чувствуя и боль, и злость, сказал:

— Ты могла бы позвонить мне, если не возвращалась.

— Сань-гэ сказал, что пусть ты поволнуешься...

А-Да не знал, смеяться или плакать. Лаосань всегда всё портил. Вероятно, когда он утром ехал в дом семьи Су, они с Красной Фасолькой разминулись на дороге, и он зря переживал.

Красная Фасолька взяла А-Да за руку, сделала шаг вперёд, почти прижавшись к его груди. А-Да хотел отстраниться, но она, заметив это, отступила, снова создав между ними расстояние.

Она печально улыbnулась:

— Брат А-Да, ты не любишь меня, это твоё дело. Я люблю тебя, это моё дело. Ты можешь не сердиться?

— Эх, я не сержусь. Это Лаосань тебя научил так говорить?

— Нет. Сань-гэ сказал мне, что сейчас ты меня содержишь, и я не могу заставлять тебя меня любить. Если бы наоборот, я содержала тебя, тогда у меня были бы основания быть с тобой.

— «...»

А-Да хотел предупредить Красную Фасольку, чтобы она держалась подальше от Лаосана! Он чувствовал, что должен научить её правильным взглядам на жизнь, но, когда он хотел заговорить, она продолжила:

— Я думаю, он неправ. Любить человека — значит защищать его целостность, его любовь, его ненависть, то, что он хочет и не хочет делать. Заставлять его идти против своей воли — это не любовь.

А-Да почувствовал горечь. Эти слова были полны юношеской романтики, но искренни. Простая истина, которая в реальной любви почти как заклинание; если бы он смог следовать этому, его предыдущий брак не закончился бы провалом.

Он не стал втягивать Красную Фасольку в реальность, а подошёл и обнял её. Он считал, что эта наивность слишком хрупка, и её нужно беречь. С утешительным жестом он погладил её по голове:

— Ты права, Лаосань неправ. Ты ещё молода, защищать других — это хорошо, но сначала защити себя — и, кстати, не ходи больше с парнями домой, даже если это знакомые.

Красная Фасолька высунула язык:

— Сань-гэ сказал, что это первый раз, когда он взял девушку домой. Он ещё сказал мне не бродить по его дому и не разговаривать с кем попало. Его дом — это что, дворец, столько правил!

А-Да почувствовал горечь и просто промямлил:

— Его дом — богатый, правил, конечно, много. Устала? Хочешь отдохнуть, погулять или сначала поесть?

Услышав о еде, Красная Фасолька вдруг вспомнила:

— Я чуть не забыла! Сань-гэ сказал мне передать тебе, что завтра он будет ужинать с отцом, обсуждать планы по кофейне, и хочет, чтобы ты пришёл. Брат А-Да, ты же говорил, что не хочешь заниматься кофейней, ты пойдёшь?

А-Да не знал, что ответить. Он не хотел идти, не хотел видеть главу семьи Су, и особенно не хотел сталкиваться с Лаосанем. Но образ Лаосана, играющего на скрипке, всё ещё стоял у него перед глазами, и он не мог от него избавиться.

— В какое время и где?

Красная Фасолька назвала название ресторана, но не смогла правильно произнести французское название — то ли La Region, то ли Renaissance. А-Да просто сказал:

— Не важно, я всё равно не хочу идти.

Авторские комментарии:

Не буду тянуть резину, в следующей главе перейдём к сути.

<http://bllate.org/book/16329/1474021>